

ОКОВКА ТУРЬЕГО РОГА ИЗ ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ БУЛГАРСКОЙ ЛЕТОПИСИ XIII В. ГАЗИ-БАРАДЖ ТАРИХЫ И МИФОЛОГИИ БУЛГАР

Раскопанная Д.Я.Самоквасовым в 1872-1873 гг Черная могила (Самоквасов Д.Я., 1908, с.190-191), как известно, представляла собой большой курган (высота – 12 м, окружность – 180 м) с трупосожжениями. Согласно Б.А.Рыбакову, погребенных было трое (Рыбаков Б.А., 1949, с.25-34, 38-50). По реконструкции Д.А.Мачинского, двое – мужчина и женщина. Он же предложил датировать могилу не ранее 970 гг (Мачинский Д.О., 1988, с.15-17).

Вещевой состав свидетельствует о том, что погребенные имели достаточно высокий социальный статус. А оружие при женском захоронении говорит, что погребенная была равноправной женой высокопоставленного лица, а не бесправной наложницей. Произведенный Ю.Ю.Шевченко анализ вещевого материала позволяет датировать погребение кон.X – нач.XI в. (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.11-14).

Относительно происхождения похороненных в Черной могиле лиц существует несколько версий. Я.В.Френкель склоняется к скандинавскому происхождению погребенных (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.12, 13)¹.

Однако ряд исследователей придерживается версии о местном характере этого захоронения. Так, Г.С.Лебедев считает, что “в обряде Черной могилы, Гульбища, Безмяянного кургана ... выступает ритуал языческих сожжений ..., в целом развивающихся на основе нескольких иных, чем в Гнездове, среднеднепровских традиций, и никак не связан с варяжским обычаем сожжения в ладье” (Лебедев Г.С., 1985, с.243).

Д.А.Мачинский, сопоставляя характер оружия из Черной могилы с сообщением Повести временных лет (далее ПВЛ) под 968 годом, высказал предположение о том, что в Черной могиле был похоронен пришедший на помощь Киеву с левой стороны Днепра воевода Претич. Как известно, переговоры Претича с кочевниками завершились обменом дарами, при котором Претич получил в дар саблю, коня и стрелы (Мачинский Д.О., 1988, с.15-17).

Ю.Ю.Шевченко, соглашаясь с версией о скандинавском происхождении мужского захоронения из Черной могилы, склоняется к мысли о принадлежности женского захоронения к местной северянской аристократии черных болгар, связывая это захоронение с независимой от киевских князей черниговской династией (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.15-20). Касаясь происхождения погребенной в Черной могиле женщины, Ю.Ю.Шевченко, прежде всего, затрагивает вопрос об ее неславянском происхождении. В легендах Чернигова фигурирует князь Черниг и его дочь, некрещеная вонтельница, которую поражает тяжелым епископским посохом священник. А наименование князя – Черный, Черниг – Ю.Ю.Шевченко сближает с самоназванием племен данной территории (“северяне” ПВЛ, “северины” Константина Порфирогенета, “саварики” – “черные воины” армянских источников, “черные болгары” (савиры, северы)) (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.17, 18).

Подтверждают версию Ю.Ю.Шевченко и данные ПВЛ. Все они свидетельствуют о независимости от Киевской Руси левобережья Днепра и о некоторой отчужденности населения левобережья от населения правобережья и Новгорода в X в.

Еще при Игоре Старом платившие ранее Олегу дань северяне и радимичи не только не платили дань, но и не участвовали в походе Игоря на Царьград в 944 г (ПВЛ, 1950, с.36, 230). А в договоре Руси с Византией 945 г расположенный на территории северян Чернигов значится отдельно от Киева. Интересно в этом отношении и упоминание в договоре Игоря с Византией о неких черных булгарах.

– “И об этих: если придут черные булгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране” (ПВЛ, 1950, с.37, 234). ПВЛ говорит о неповиновении черных булгар русскому князю и в то же время об его ответственности за их действия. И это позволяет локализовать тер-

¹ По данным Ю.Ю.Шевченко, Я.В.Френкель сделал сообщение о Черной могиле на семинаре “Между Азией и Европой. Проблемы и контакты”, который был организован Музеем антропологии и этнографии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, Государственным Эрмитажем и Санкт-Петербургским государственным университетом.

риторию черных булгар на левобережье Днепра. О том, что во 2-й пол.Х – нач.ХІ в. левобережье Днепра еще не было в полной мере подчинено киевскому князю, говорит и то, что наследники Святослава получили во владение правобережье и более северные территории, но не левобережье (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.17-20; ПВЛ, 1950, с.49, 250-256).

А Г.С.Лебедев на основании текстов ПВЛ по совокупности признаков – происхождению, языку, собственному княжению – делит древнерусские племена на три группы, выделяя в особую группу северян, радимичей, вятичей и кривичей, подчеркивая при этом, что у северян, радимичей и вятичей “обычай один” (Лебедев Г.С., 1985, табл.10, рис.43, с.191-195). Интересно и то, что, когда после победы над печенегами Владимир начинает ставить укрепления на территории радимичей и северян по Десне, Остру, Трубежу и Суле, он посылает в них лучших дружинников из Новгорода, от кривичей, чуди и вятичей, по-видимому, не вполне доверяя местному населению (ПВЛ, 1950, с.83, 282). И строительство православных храмов в городах левобережья начинается позднее, чем в Киеве. Так, крещение черниговцев произошло 30 августа 992 г по юлианскому календарю. Но на территории учрежденной в 992 г черниговской епархии Спасо-Преображенский собор строится только в 1034-1036 гг (Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г., 2002, с.88).

Все эти данные говорят в пользу версии Ю.Ю.Шевченко, согласно которой в Черной могиле был похоронен представитель независимой от киевских князей черниговской династии, правившей, по его мнению, на протяжении трех-четырёх поколений вплоть до 2-й пол.Х – нач.ХІ в. (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.17).

Версии Ю.Ю.Шевченко и Г.С.Лебедева о принадлежности погребенных в Черной могиле лиц (или лица) к местной среднеднепровской, по Ю.Ю.Шевченко, северянской знати, занимавшей достаточно независимое от Киева положение, находят подтверждение не только в ПВЛ, но и в болгарской летописи XIII в. Гази-Барадж тарихы, на которой в связи с этим следует остановиться.

Написанная эмиром Гази-Бараджем (1229-1246 гг) болгарская летопись Гази-Барадж тарихы входила в свод летописей сеида Джагфара 1680 года. Написанный на болгарском тюрки арабским шрифтом подлинник свода в нач.ХХ в. еще находился в одном из культурных центров болгар² в Петропавловске, в Казахстане, и пропал в 1939 г в период борьбы с пантюркизмом и переводом

мусульман на кириллический алфавит. По данным Р.К.Нигматуллиной, в этот период шло тотальное уничтожение болгарских книг и рукописей, написанных болгаро-арабским шрифтом. Тогда же ее брат И.М.-К.Нигматуллин принял участие в составлении перевода на русский язык свода Джагфара и ряда других источников (Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1993в, с.5-7). Русский перевод свода Джагфара (вернее, его сохранившаяся часть) был опубликован его последним владельцем, племянником И.М.-К.Нигматуллина, Ф.Г.-Х.Нурутдиновым в 1993 г (Бахши И., 1993, с.7-324).

Однако по причине отсутствия подлинника свода у ряда исследователей это издание вызывает недоверие и неприятие. Вызвано это и тем, что в одном издании с русским переводом свода Джагфара Ф.Г.-Х.Нурутдинов счел возможным опубликовать и свою достаточно проблематичную и лишённую аргументации и аппарата сносок статью “Булгары и мировая цивилизация” (Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1993а, с.324-348).

В то же время удивительная информативность одной из летописей свода – Гази-Барадж тарихы и многочисленные совпадения ее данных с безупречными, дошедшими до нас в подлиннике, письменными источниками говорит о достоверности ее русского перевода, который не может быть современной подделкой.

Поэтому автор в ряде работ сделала попытку реабилитировать отдельные фрагменты русского перевода летописи Гази-Барадж и доказать, что они не являются современной подделкой (Львова З.А., 2003, с.134-141; 2001, с.105-110 и др.). Не возвращаясь к вопросу о подлинности русского перевода болгарской летописи, перейдем к тем ее частям, которые касаются рассматриваемой темы.

Тексты русского перевода летописи Гази-Барадж представляют огромный интерес, прежде всего, потому, что они воссоздают ту непростую политическую ситуацию, которая имела место на левобережье Днепра в VII-X вв., а это помогает интерпретировать этническую, культурную и религиозную принадлежность погребенных в Черной могиле лиц.

Согласно болгарской летописи, в VII в. на левобережье Днепра находилась “земля предков” Великой Булгарии Куврата, в кон.20 – нач.30 гг освободившегося от аварского ига, присоединившего к своим владениям часть земель распавшегося Западного Тюркского каганата в Приазовье и Прикубанье и объявившего себя каганом.

² “Болгарами” (или булгарами) называет себя сегодня та часть татар, которая придает наибольшее значение своим предкам – булгарам, основавшим в VII в. Великую Булгарию на Днепре, в Приазовье и Прикубанье, а позднее создавшим мусульманское государство “Великие Булгары” в верховьях Волги и Булгарию на Дунае.

Кочевья кагана Куврата с главным центром под названием Балтавар располагались в районе Полтавы (Львова З.А., 2003, с.136-140). Если принять версию профессора И.Вернера о том, что обнаруженное под Полтавой Перещепинское сожжение связано с захоронением Куврата (Werner J., 1984, S.5-45), то следует признать и то, что оно было произведено на "земле предков" недалеко от его ставки. А в 620 г при жизни Куврата его братом Шамбатом у горы Куянтау была заложена крепость Башту, еще в то время называвшаяся Кий (Киев) (Львова З.А., 2001, с.106).

После смерти кагана Великой Булгарии Куврата в 660 г и борьбы за власть его сыновей выйти победителем в этой распри при поддержке хазар удалось старшему сыну Куврата Бат-Бояну, так же, как и его отец, принадлежавшему к знатному роду Дуло. Однако от завоеваний Куврата в Приазовье и в Прикубанье и от титула кагана ему пришлось отказаться. Став теперь уже не каганом Великой Булгарии, а балтаваром Кара-Булгарского Саклана, Бат-Боян обязался платить дань хазарам и поставлять им войско во время войны (Львова З.А., 2001, с.108).

В то же время династия Дуло в Саклане как и прежде была у власти, которая переходила от отца к сыну без какого-либо постороннего вмешательства. После смерти Бат-Бояна в 690 г к власти приходит его сын Бат Тимер Джураш, потом Сулаби. Авар, Тат Утяк Сарачин и Кан-Караджар, умерший в 815 или 816 гг (Бахши И., 1993, с.22-30).

По данным Гази Барадж, захоронения балтаваров Кара-Булгарского Саклана производились в г.Чаллы-Кале (Бахши И., 1993, с.105), который Ф.Г.-Х.Нурутдинов идентифицирует с Белгородом (Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1993б, с.384). Однако с приходом к власти сына Кан-Караджара Угьр Айдара эта традиция была нарушена. Сопоставимый с каганом Каганата Россов, о котором упоминают под 839 г Бертинские анналы, балтавар Угьр Айдар перестал платить дань хазарам, объявил себя каганом и вступил в войну с хазарами (Бахши И., 1993, с.31, 32). В период своего правления Угьр Айдар построил в честь своего отца город, назвав его Караджар, и завещал его похоронить в этом городе, что и было сделано в 855 г (Бахши И., 1993, с.34).

В словаре этнических и географических названий, встречающихся в своде Джагфара, Ф.Г.-Х.Нурутдинов идентифицирует Караджар с городом Черниговым (Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1993б, с.365).

Все сказанное выше и многие другие данные Гази-Барадж говорят о том, что в течение VII – I-й пол. IX в. левобережье Днепра было поистине "землею предков" правящей булгарской династии. Здесь близ Балтавара, Караджара и Чаллы-Кале находились священные могилы предков. При дворе каганов и балтаваров было сосредоточено специализированное привилегированное войско, состоявшее из славяноязычных анчилар-анчийцев¹.

К началу VIII в. анчийцы уже были опорой булгарской власти в Кара-Булгаре. Их освободили от всех повинностей, кроме воинской, и они получили обширные земли в районе Башту и хорошее жалование (Бахши И., 1993, с.24). Как покажет дальнейшее изложение летописи, анчийцы селились и в других городах Кара-Булгара и, несмотря на славянское происхождение, вплоть до XI в. придерживались пробулгарской ориентации (Бахши И., 1993, с.87).

И уже одни эти данные делают понятным то, что власть киевских князей, опиравшихся на варяжские дружины и новгородцев, распространилась на левобережье Днепра далеко не сразу. Составлявшие долгие годы привилегированное войско местных булгарских каганов и балтаваров, анчийцы не собирались сдавать своих позиций и уступать место балынтам и садумцам – новгородцам и скандинавам киевских князей. А их пробулгарская ориентация позволяла Великим Булгарам на Волге делать на них ставку в борьбе с Киевской Русью.

Но вернемся в IX век. После смерти Угьр Айдара в 855 г его старший сын Габдулла Джилки под давлением хазар с булгарами-мусульманами ушел на Волгу и основал там независимое мусульманское государство. А от Саклана отделилось правобережье с Баштуйской и Урусской областями Саклана с центром в Башту-Киеве и не без активного вмешательства хазар создано независимое от Саклана, но вассальное по отношению к хазарам княжество с центром в Башту – Киевское княжество (Бахши И., 1993, с.35, 37, 38).

Первоначально, в сер. IX в., в Башту правил князь Джир и наместник хазар Ас Халиб, сопоставимые с Аскольдом и Диром ПВЛ. Однако Ас Халиб убил Джир и стал князем вместо него. Но в 882 г пришел сопоставимый с Олегом Салахби, который убил Ас Халиба и его сына Булана, посадил на престол сопоставимого с Игорем Старым Угьра – сына младшего сына Угьр Айдара Лачына и стал его соправителем, опираясь на составлявших его

¹ Еще в нач. VII в. дед Куврата балтавар Тубджак позволил поселиться на окраине своих владений бежавшим от авар ульчийцам – их было до двухсот тысяч, и их стали называть анчилар – "пограничными" (Бахши И., 1993, с.10). Впоследствии анчийцы пополнились некоторыми родами урусов и булгар, но продолжали говорить на славянском языке. Их язык отличался от языка северных славян – балынцев, но они понимали друг друга (Бахши И., 1993, с.24). Таким образом, славянский язык проник в привилегированное войско торкоязычного Саклана Кара-Булгар еще в VII в.

войско садумцев и балынцев – скандинавов и северо-восточных славян (Бахши И., 1993, с.35, 41, 43, 44, 45; Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1993б, с.352, 374).

Так разделился на две ветви род Дуло. Габдулла Джилки стал родоначальником ханов мусульманского ханства на Волге, а его племянник Утыр (Игорь Старый) – родоначальником династии князей Киевской Руси.

А на левобережье Днепра в это время еще продолжал существовать Кара-Булгарский Саклан с главным городом Батавиллом, или Хорысданом, который Ф.Г.-Х.Нурутдинов идентифицирует с Путивлем (Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1993б, с.353, 383).

В это непрекращающееся “смутное время” Кара-Булгарский Саклан на левобережье Днепра практически перестал существовать как государство, а на его территорию стали претендовать не только хазары, но и Волжская Булгария, и Киевская Русь.

Если же вернуться к вопросу об идентификации погребенных в Черной могиле лиц, то наиболее интересными данными являются сведения о войне с печенегами князя Владимира-Булымера, о союзе печенегов с Великими Булгарами и об их очевидной поддержке пробулгарски настроенным населением Киевской Руси.

Княжение на Руси Владимира-Булымера отчасти совпало с правлением в Великих Булгарах воссевшего на престол в 981 г хана Тимара Мумина Баджанака (Бахши И., 1993, с.101), который послал на Русь баджанак во главе с Сал-Салом (Бахши И., 1993, с.104, 105). В ходе этой войны в 996 г Сал-Сал снес все балынские крепости к югу от Башту, и при этом все находившиеся там балынцы были зарублены, а анчийцы выпущены на свободу. А когда Сал-Сал в 997 г осадил войско Булымера в Чаллы-Кале, анчийцы, пользуясь затруднительным положением князя, потребовали от Булымера изгнания балынцев из Башту и Караджара (Бахши И., 1993, с.105). И это в чем-то перекликается с сообщением ПВЛ о строительстве Владимиром укреплений по Десне, Остру, Трубежу и Суле после победы над печенегами. В новых крепостях Владимир ставит гарнизоны, состоящие из благонадежных новгородцев, кривичей, чуди и вятичей, но не северян и радимичей левобережья (ПВЛ, 1950, с.282).

Приведенные данные говорят о господстве среди местного населения Киевской Руси, в особенности левобережья Днепра, в кон.Х – нач.ХI в. очень сильных пробулгарских настроений, которые были в значительной степени обусловлены его этническим происхождением и древними булгарскими традициями. Анчийцы представляли собой сплав славянского, иранского и булгарского начала, а барыны и каубуйцы левобережья были булгарами-тенгрианцами. И именно это обуславливало их

позицию по отношению к Великим Булгарам, где в это время наряду с мусульманами было еще много булгар-язычников.

Соответственно и население левобережья, и его знать должны были придерживаться определенных традиций и в быту, и в погребальном обряде. И в этом отношении данные Гази-барадж о булгаро-славянском происхождении и булгарской ориентации населения Саклана Кара-Булгар говорят в пользу версии Г.С.Лебедева (Лебедев Г.С., 1985, с.243) и Ю.Ю.Шевченко (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.9-20) о принадлежности Черной могилы к местной среднеднепровской знати.

О возможном булгарском происхождении захороненных в Черной могиле лиц или одного из них или же родичей погребенных, положивших в могилу свои дары, говорят и изображения на серебряной оковке одного из турьих рогов Черной могилы. На них следует остановиться особо (рис.1, 1, 2).

Как известно, этим вопросом занимались многие авторы, так что О.А.Щеглова даже классифицирует многочисленные работы на данную тему по подходу к ней авторов на несколько групп. Наибольший интерес представляет та группа исследований, которая идет по пути интерпретации сюжета изображений. Сама О.А.Щеглова рассматривает бóльший рог из Черной могилы в одном ряду с типологически близкими ему “олифантами” из слоновой кости с резными изображениями и считает византийские “олифанты” прототипами рога из Черной могилы. По ее мнению, таким прототипом мог быть олифант типа рога Легеля. Не исключено, по ее мнению, и другое. Среди даров византийского императора Святославу в 971 г мог быть и олифант, который автор серебряной оковки рога из Черной могилы мог принять за образец для подражания (Щеглова О.А., 1997, с.247-254).

Версия О.А.Щегловой о некой стилистической связи рога из Черной могилы с предметами искусства Византии важна и интересна, но к ней следует обратиться несколько позже.

Что касается других названных О.А.Щегловой работ, написанных в духе интерпретации изображений на оковке рога, то из них, в первую очередь, обращают на себя внимание исследования, связывающие сюжет изображения на оковке со скандинавским эпосом.

Не все публикации этого рода известны. Особый интерес представлял бы анализ изображений на оковке рога А.В.Чернецова, который видит в них сцены конца света и “Гибели Богов” Младшей Эдды. Однако о версии А.В.Чернецова автору известно только из краткого упоминания о ней в тезисах А.А.Молчанова (Молчанов А.А., 1988, с.68, 69). Согласно версии самого А.А.Молчанова, на оковке изображен ас Ньёрд, который живет на небе, управ-

3

Рис. 1. Серебряная оковка турьего рога из Черной могилы: 1 – рисунок из публикации

Д.Я.Самокусова (Рыбаков Б.А., 1988, рис.66); 2 – прорисовка композиции на окантовке рога (Рыбаков Б.А., 1988, рис.67); 3 – деталь композиции – фигуры воинов (Рыбаков Б.А., 1971, рис.4).

Fig. 1. A silver binding of a big Caucasian goat horn from Chiornaia Mogila: 1 – a figure from D. Ya. Samokvasov's publication (Рыбаков Б.А., 1988, рис.66); 2 – a drawing of a composition on the fringing of a horn (Рыбаков Б.А., 1988, рис.67); 3 – a detail of the composition – figures of soldiers (Рыбаков Б.А., 1971, рис.4)

ляет движением ветров, умиряет огонь и воды (А.А.Молчанов называет его богом плодородия), и его жена Скади, дочь великана Пьящи, богиня охоты. Но Ньёрда всегда тянуло к морю, а Скади в горы, и супругам пришлось расстаться. Скади поселилась в горах, где на лыжах с луком охотилась на дичь (Младшая Эдда, 1970, с.28). И с этими могучими асами А.А.Молчанов идентифицирует человеческие фигуры на роге из Черной могилы – две маленькие, бегущие друг за другом фигурки с луками в руках. В одну из них – мужчину с жалкой бородачкой и без головного убора (вероятно, безуспешно пытающегося догнать свою убегающую жену) – летят его собственные стрелы. Согласиться с тем, что в этой сцене изображены могучий повелитель ветра, огня и воды Ньёрд и дочь великана Скади очень трудно (рис. 1, 3).

Отождествляет с персонажами скандинавского эпоса изображения на оковке рога и Ю.Ю.Шевченко. Соглашаясь с предложенной Я.В.Френкелем версией о скандинавском происхождении мужского захоронения из Черной могилы, Ю.Ю.Шевченко предлагает несколько вариантов возможного прочтения отдельных частей этой композиции (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.12, 13).

Фигуру лучника Ю.Ю.Шевченко идентифицирует с поражающим племя Локи Уллем, сыном паясника Тора, который славился стрельбой из лука и был непревзойденным в военном искусстве. Но племя Локи во время “Гибели Богов” поражают Видар и Тор, а не Уль (Младшая Эдда, 1970, с.53). И на оковке рога предполагаемый Уль изображен не в

роли победителя, его же стрелы летят в него самого. Ход мысли Ю.Ю.Шевченко понятен. Если домыслить содержание драмы о “Гибели Богов” как мы это делаем сегодня, то в иллюстрации к ней нашел бы место и непревзойденный стрелок из лука Уль, в которого летят его собственные стрелы. Но средневековый художник изображал только то, о чем написано, не заглядывая “за кадр”, и только героические подвиги героев и Богов, даже во время их гибели.

Согласно второй версии Ю.Ю.Шевченко, две бегущие человеческие фигуры изображают Бальдра и убившего его Хёда. А “обратные” стрелы трактуются как несвязанные клятвой стрелы, имевшие отношение к гибели Бальдра. Однако не связанным клятвой не причинять вреда Бальдру был только побег омелы. Именно его вырвал Локи, предложив на тинге метнуть слепому Хёду в Бальдра побегом омелы, а не стрелой (Младшая Эдда, 1970, с.48).

Кроме того, если трактовать бегущих как Бальдра и слепого Хёда с “пустыми глазницами”, то слепым должен быть только Хёд, в то время как на изображении “слепыми” оказываются все персонажи – и люди, и звери. И обусловлено это одинаковым художественным приемом изображения глаз, а может быть и одинаковой техникой их исполнения путем надавливания на металлическую основу одинаковыми инструментами с острой кольцевидной рабочей частью, оставляющей на поверхности округлые вдавления. Такие же, только меньшего размера, вдавления, вероятно, составляют и фон композиции, заполняющий пустое пространство между фигурами (ср. рис.1, 3 и рис.2).

Рис. 2. Серебряная оковка турьего рога из Черной могилы, деталь (Рыбаков Б.А., 1971, рис.4).

Fig. 2. A silver binding of a big Caucasian goat horn from Chiornaia Mogila, a detail (Рыбаков Б.А., 1971, рис.4)

Кроме того, и это главное, сцены из скандинавского эпоса, изображаемые на оковке скандинавским мастером, должны были бы исполняться в одном из звериных стилей эпохи викингов – в стиле Боре (840-980 гг), в стиле Элинг (870-1000 гг) или в стиле Большого зверя (кон.Х – нач.ХII в.) (Лебедев Г.С., 1985, с.128-130, рис.36-38). Но изображения на серебряной оковке рога из Черной могилы исполнены в каком-то ином стиле (рис.3, 1-3).

Таким образом, все сказанное выше не позволяет согласиться с предлагаемыми трактовками изображений на оковке рога из Черной могилы в качестве иллюстраций к скандинавскому эпосу.

А теперь вернемся к работе О.А.Щегловой, которая предлагает считать прототипами изображений на серебряной оковке рога из Черной могилы композиции на византийских оленях. Более того, по ее мнению, именно парадный византийский олень послужил для мастера из Черной могилы "идеальным изделием для подражания". И одним из самых ранних оленей такого рода мог быть рог Легеля из Ясберена в Венгрии, который Й.Хампель датировал IX в., а Г.Ласло – сер.Х в. (Щеглова О.А., 1997, с.249-252) (рис.3, 4).

С некоторым стилистическим сходством оковки рога из Черной могилы с рогом Легеля согласиться можно, но первичность и вторичность рассматриваемых изображений хотелось бы поменять местами. Грифоны на роге Легеля имеют отработанную, сглаженную форму. С этих изображений убрано все лишнее, они почти одинаковы и окончательно превратились в орнамент. В отличие от них, двоящее фантастическое животное на оковке рога из Черной могилы не вполне симметрично. У него разные головы, шеи и крылья. И это кажется не случайным, но наполненным изначальным смыслом. Не случайно и то, что пять фигур композиции из фантастических животных соединены между собою петлями, а четыре других – орел, двоящий волк и два маленьких зверька, а также фигурки людей – нет (рис.1, 1, 2). От этого страдает орнаментальность и гармоничность композиции. По-видимому, эти ненужные в декоративном орнаменте детали здесь были необходимы. Не случайным кажется и то, что двоящий волк снабжен большими зубами, а раскрытые пасти грифона (или дракона?) подчеркнуты беззубы (он силен и без них чем-то другим) (рис.2). Наполненным определенным смыслом кажется и то, что две человеческие фигурки гораздо меньше фантастических животных. И это тоже говорит о содержательном, а не орнаментальном характере всей композиции. И в свете всего сказанного в чем-то самом главном были правы в свое время и Д.Я.Самоковасов, и Б.А.Рыбаков, и Г.К.Вагнер, считавшие композицию на оковке рога из Черной могилы "тщательно продуманной во всех деталях

иллюстрацией" к некоему повествованию сказочно-былинного жанра (Щеглова О.А., 1997, с.248).

А в свете приведенных выше данных летописи Гази-Барадж о господстве на левобережье Днепра в X в. преимущественно болгарских племен – барынов и каубуйцев и настроенных пробулгарски анчийцев – содержание композиции на оковке рога из Черной могилы можно было бы связать с неким заклятием, направленным (увы!) против наступавших на священную "землю предков" болгар и претендовавших на нее садумцев и балынцев-новгородцев и скандинавов. И в этом отношении изображения на оковке рога хотелось бы сопоставить с приводимыми Ф.Г.-Х.Нурутдиновым данными о мифологии древних болгар.

Однако, в первую очередь, следует остановиться на двух человеческих фигурках композиции, так как их этническая принадлежность является ключом к дальнейшей расшифровке всего изображения. Можно было бы думать, что фигурки являются одетыми в кольчуги бегущими воинами с луками в руках (рис.1, 3). Однако воины не были булгарами. Булгары брили голову, оставляя на ней только клок волос (прообраз оселедца запорожских казаков), иногда заплетенный в косу (Артамонов М.И., 1962, с.156). Так же, по описанию Льва Дьякона, была убрана голова и у принадлежавшего, согласно болгарской летописи, к древнему болгарскому роду Дуло Святослава. Ее украшал длинный клок волос и длинные усы (Лев Дьякон, 1988, с.82). А о том, что Святослав при определенных обстоятельствах заплетал оселедец в косу, говорится в летописи Гази-Барадж якобы от лица убитого его Кура-хана: "Твоя голова, пусть и с хинской косой не прибавит мне богатств ..." (Бахши И., 1993, с.101). А поскольку на голове второй фигуры изображены округлые глаза и закругленный нос, ее перевитые волосы напоминают не косу, а перевитую бороду скандинава (Шевченко Ю.Ю., 1999, с.11-13). Таким же способом, согласно Аль-Балхи, украшали свои бороды и русы – они "завивали бороды в локоны ... наподобие гривы лошадей" (Хвольсон Д.А., 1869, с.172, примечание е). Аль-Балхи писал между 935 и 951 гг (Гаркави А.Я., 1871, с.271-277, 308). А в это время, как и в кон.Х и нач.ХI в. основу войска киевских князей составляли новгородцы и варяги (ПВЛ, 1950, с.54, 87, 100).

Левая фигура центральной композиции оковки рога изображает воина, голова которого покрыта сравнительно короткими – до шеи – волосами, на лице – усы, короткая борода. Его можно было бы определить как славянина-новгородца.

Из текстов Гази-Барадж можно заключить, что славянин-балынец и тем более князь имел покрытую волосами голову и бороду, и это воспринималось как обозначение его этнического достоинства,

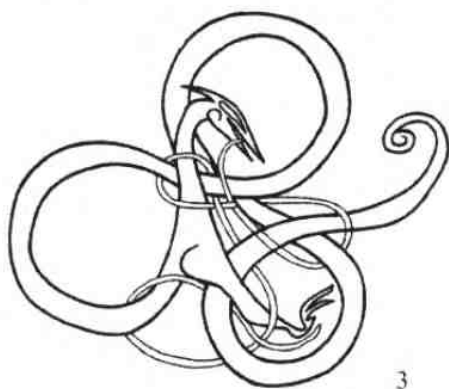
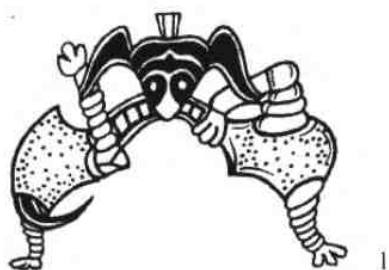

Рис. 3. 1 – звериный стиль Боре; 2 – звериный стиль Эллинг; 3 – звериный стиль Большой Зверь (Лебедев Г.С., 1985, рис.36, 37, 38); 4 – Рог Легеля, деталь (Щеглова О.А., 1997, рис.1, 6); 5 – серебряная оковка турьего рога из Черной могилы. Деталь композиции – фигуры драконов (Рыбаков Б.А., 1988, фронтиспис).

Fig. 3. 1 – the Borre animal style; 2 – the Jelling animal style; 3 – the "great beast" animal style (Лебедев Г.С., 1985, рис.36, 37, 38); 4 – Lehel's Horn, a detail (Щеглова О.А., 1997, рис.1, 6); 5 – a silver binding of a big Caucasian goat horn from Chiornaia Mogila. A detail of the composition – figures of dragons (Рыбаков Б.А., 1988, frontispiece)

а их утрата была высшей мерой унижения. Правивший в Великих Булгарах в XII в. хан Чельбир в злобном воззвании к одному из балыньских князей заявляет: “Я выжгу все то, что сейчас называется Балыном ... И ты будешь считать величайшей милостью небес, если я тебя, вшивого, с обритой бородой и подбородком поставлю старостой самого последнего курмышского аула” (Бахши И., 1993, с.156).

Соответственно приведенным данным Аль-Балхи (и очень неприятным для автора!) и описаниям Гази-Бараджа на центральной композиции оковки рога изображены враги господствовавших на левобережье булгар и анчийцев – балынец и садумец – новгородец и скандинав. Однако они не похожи на победителей. Фигуры нарочито малого размера, а борода новгородца производит впечатление оборванной. Достойные бороды уважаемых людей в средневековье изображались иначе (ср. рис.4, 1 и 2). Воины бегут с непокрытыми головами и без поясов, поражаемые собственными стрелами, как бы иллюстрируя изречение – заклятие из хартии 945 г договора Игоря с Византией: “А кто ... замыслит разрушить эту любовь, то пусть ... те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ... от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь” (ПВЛ, 1950, с.232). Можно думать, что это заклятие было в X в. широко известно по всей Восточной Европе. Относилось оно и к двум изображаемым на роге фигуркам – врагам владельца турьего рога – скандинаву и новгородцу.

Что касается других изображений на оковке рога, то в них просматриваются персонажи болгарской мифологии, как бы обступившие беглецов и враждебные им. Данные о них имеются в статьях последнего владельца полного текста свода Джагфара 1680 г Ф.Г.-Х.Нурутдинова, написанных им на основе материалов утраченной части свода книги Хон Китабы Моххамеда Гали (Бахши И., 1994, с.58-76). Не касаясь собственной версии Ф.Г.-Х.Нурутдинова о влиянии культуры древних пробулгар на мировую цивилизацию (?!), которая вкраплена в описание мифов, но не имеет к ним никакого отношения, остановимся только на тех мифических болгарских духах (асы, алпы, диу), которые просматриваются на изображениях оковки рога.

Первая из них – фигура орла, к которой направлены стопы бегущих, и которая преграждает им путь. Она сопоставима с Хурсом – алпом “кузнечно-оружейного дела и Божьей вести” (о предстоящей смерти или каре). По воле Тангра Хурса “доставлял души умерших с Земли на Небо”, принимая вид “грифона, орла, беркута, сокола и других хищных птиц”. В искусстве булгар Хурса являлся

символом неотвратимости Божьего суда и наказания за грехи (Бахши И., 1994, с.62, № 21).

За орлом помещена композиция из двух сплетенных вместе фигур хищников с большими кляками, соединенных хвостами с пальметкой (Рыбаков Б.А., 1971, рис. на с.8). Можно предположить, что это Албастый – джинн подземного мира, предводитель джиннов, символ зла (Бахши И., 1994, с.60, № 3) (рис.1, 1, 2; 2).

Вслед за этим идет вереница из пяти фигур, соединенных между собой петлями, и предположительно олицетворявших доброе начало. Центральное место этой композиции занимают две симметричные, но не вполне одинаковые фигуры драконов, повернутые спинами друг к другу и соединенные пальметкой (рис.1, 1, 2; 3, 5). Их можно было бы считать змееногим богатырем Бараджем, защищавшим свой народ от врагов. Его отцом был богатырь Алмыш, матерью – гора Куянтау – дочь алпа вод Тун-Бури. Головы изображаемого Бараджа по некоторым деталям отличаются друг от друга, возможно, потому, что мифический Барадж проглотил живого быка, и у него, кроме змеиной, появилась бычья голова (Бахши И., 1993, с.40). О двуголовости Бараджа сообщается и в Гази-Барадж в связи с тем, что в годы правления хана Адама была выстроена главная мечеть столицы, которая имела два минарета. Поэтому народ дал ей имя двуглавого Эльбегена-Бараджа (Бахши И., 1993, с.115). Сдвоенность фигуры Бараджа можно было бы также объяснить и художественным приемом, который делает его близким к алпам, расположенным как слева, так и справа от него и связанным с ним.

Слева от Бараджа – фигура хищной птицы, которую Б.А.Рыбаков трактует как изображение орла, симметричное фигуре орла, к которой направлены стопы бегущих (Рыбаков Б.А., 1949, с.47; 1971, рис. на с.8). Однако это не совсем так. Фигуры этих птиц имеют разную величину и расположение. У одной в сторону повернута только голова, у другой, меньшей фигуры, расположенной слева от Бараджа, в профиль изображено все туловище. Кроме того, она соединена петлей с фигурой дракона – Бараджа. Не исключено, что это – алп света Мардукан, принимавший облик дракона, грача или ворона (Бахши И., 1994, с.61, № 14). Справа от дракона Бараджа (также соединенная с ним петлей) – фигура волка. Можно думать, что это Бури – алп луны, охоты, воинской удачи, победы, славы, покровитель болгарского народа. Бури принимал облик волка или барса (Бахши И., 1994, с.60, 61, № 7).

С фигурой волка связана фигура петуха, которую можно было бы идентифицировать с Маром – алпом солнца, предводителем добрых духов. Мар принимал облик белого коня или петуха (Бахши И., 1994, с.61, № 13).

1

2

3

4

5

Рис. 4. 1 – серебряная оковка турьего рога из Черной могилы, деталь (Рыбаков Б.А., 1971, рис.4); 2 – сцены из жизни Сигурда. Дерево, резьба. XII в. Деталь (Гуревич А.Я., 1979); 3, 4 – фигуры грифонов и зайцев на чаше 1 из с.Вильгорт. XII в. (Даркевич В.П., 1975, рис.29, 36); 5 – серебряный колт XII-XIII вв. (Даркевич В.П., 1975, рис.383).

Fig. 4. 1 – a silver binding of a big Caucasian goat horn from Chiornaia Mogila, a detail (Рыбаков Б.А., 1971, рис.4); 2 – scenes from Sigurd's life. Wood, carving. The 12th century. A detail (Гуревич А.Я., 1979); 3, 4 – figures of griffins and hares on bowl 1 from Willgort village. The 12th century (Даркевич В.П., 1975, рис.29, 36); 5 – a silver kolt of the 12th-13th centuries (Даркевич В.П., 1975, рис.383)

Под ногами Мардукана и Бараджа две фигурки попираемых ими маленьких зверьков (рис.1, 1, 2; 2). Предположительно, это Куян – алп торговли, который принимал облик зайца. Куян, напрасно

пытающийся убежать от смерти, был символом бренности и греховности земной жизни (Бахши И., 1994, с.61, № 12).

Таким образом, к уже имеющимся прочтени-

ям изображения на турьем роге из Черной могилы можно прибавить еще одно. Согласно ему, фигуры на оковке рога составляют единую композицию, означающую заклятие против врагов болгар – скандинава и новгородца – садумца и балынца, напрасно пытающихся убежать от смерти, идущих к верной гибели и страшному посмертию и поражаемых собственным оружием. Против них выступают защитники болгар – Барадж, Мардукан, Бури и Мар.

Как уже говорилось выше, композиция на оковке рога из Черной могилы не может быть подражением олицетворениям. Симметричные изображения на роге из Орхуса и на роге Легеля из Ясберень (Щеглова О.А., 1997, рис.1, № 6; рис.2, №№ 1, 3), на которые ссылается О.А.Щеглова, уже в чем-то превратились в орнамент, а асимметричное изображение на роге из Черной могилы должно было иллюстрировать некое живое повествование.

В то же время некоторое сходство с фантастическими животными на турьем роге из Черной могилы обнаруживают изображения на двух почти идентичных друг другу византийских серебряных чашах XII в. с чеканкой, гравировкой, позолотой и чернью. Одна из них (по В.П.Даркевичу чаша № 1) была найдена в 1925 г в пруду в с.Вильгорт в Приуралье к северу от Чердыни и хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (инв.№ V 3-809) – (Даркевич В.П., 1975, с.14-37). Вторая чаша (чаша № 2) была обнаружена в 1957 г в Чернигове при земляных работах. В 1958 г на месте находки раскопали богатую княжескую усадьбу. По-видимому, чаша была зарыта в землю владельцем усадьбы во время нашествия татар на Чернигов в 1239 году. Чаша хранится в Золотой кладовой Государственного исторического музея Украины (Даркевич В.П., 1975, с.40-59).

Анализ техники исполнения сосудов и стиля их изображений позволили В.П.Даркевичу считать чаши образцами светского искусства Византии XII в. (Даркевич В.П., 1975, с.14-59, 229-232). Однако ближневосточные черты чаш из Вильгорта и Чернигова, которые сказались и в форме сосудов, и в декоративной обработке их тулова, и в характере изображений, в которых полностью отсутствует традиционная тема греко-римской мифологии, дали основание выдвинуть другие гипотезы их происхождения. В 1938 г И.А.Орбели предложил, и позднее А.В.Банк поддержала версию о киликийском происхождении чаши из Вильгорта. А после находки в Чернигове второй аналогичной чаши Н.Холостенко назвал ее новым памятником древнерусского искусства (Даркевич В.П., 1975, с.229-232). В.П.Даркевич также констатирует присутствие в ювелирном искусстве Византии восточного пласта и объясняет его тем, что в Константинополь постоянно стекалось разнообразное население из

Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Закавказья и других территорий.

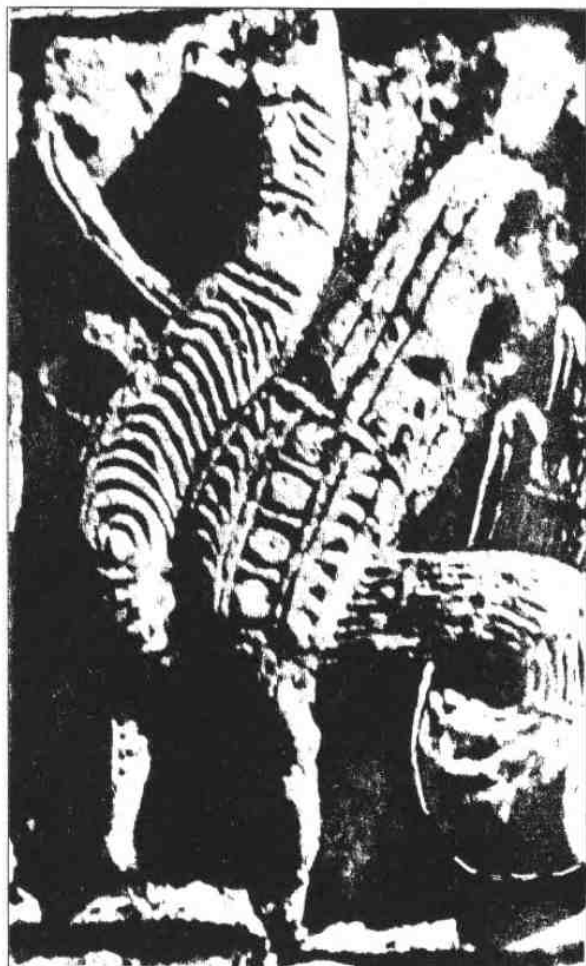
Но могло быть и иначе – византийские мастера “восточного пласта” (по В.П.Даркевичу) могли сами оседать в городах Киевской Руси, используя здесь наряду с привозными и местные стили и традиции, заимствуя их у местных мастеров с образцов, аналогичных турьим рогам из Черной могилы.

Так, сходство с двуголовым змеем на оковке турьего рога обнаруживает целый ряд фигур на чашах из Вильгорта и Чернигова – львы, волки, птицы-сирины, грифоны. Они повернуты друг к другу спинами и соединены, однако, их головы смотрят не в стороны, как у змея на окантовке рога, а друг на друга (Даркевич В.П., 1975, с.24, 26, 30, 32, 34, 48, 50, 52, 54, 56, 58; №№ рис.16, 20, 21, 28, 29, 32, 33, 36, 37, 57, 60, 62, 66, 67, 70, 74, 78, 79). Особого внимания заслуживают грифоны, соединенные вместе и хвостами, и крыльями (Даркевич В.П., 1975, с.28, № 24) (рис.4, 3). А волки и зайцы на чашах чем-то напоминают маленькие фигурки зверьков (предположительно зайцев) на оковке рога из Черной могилы (Даркевич В.П., 1975, с.16, 18, 22, 23, 40, 42, 46, 47; рис.№№ 8, 10, 11, 13, 14, 15, 52, 55, 56) (рис.4, 4). Зафиксированы повернутые друг к другу спинами, но смотрящие друг на друга грифоны, соединенные и хвостами, и крыльями, и на серебряном колте XII-XIII вв., который В.П.Даркевич считает произведением древнерусского мастера (Даркевич В.П., 1975, с.271, № рис.383).

В связи со всем сказанным прог из Черной могилы видится как произведение местного болгарского мастера и далекий прототип древнерусского ювелирного искусства XII в.

Кем бы ни были по своей политической ориентации погребенные в Черной могиле лица, кого бы они не поддерживали в сложной обстановке кон.X – нач.XI в., они принадлежали к болгаро-славянскому населению левобережья, имевшего свои традиции и мифы, свою еще мало изученную материальную культуру. И частью этой культуры видится счастливо сохранившийся большой турий рог из Черной могилы.

Войдя в состав Киевской Руси, ассимилированные славянами и принявшие православие болгарские племена внесли свой вклад в культуру Древней Руси XI и XII вв. По-видимому, то же самое можно было бы сказать не только о предметах ювелирного искусства Киевской Руси, но и о резьбе по камню на владимири-суздальских храмах, в создании которых участвовали болгарские мастера. По данным Гази-Барадж, во времена княжения Андрея Боголюбского брат его первой жены, внук Хаддада Шамгула и сын Кучака из рода Кучко, Аслан и его сын Яхам принимали участие в возведении в городах Владимиро-Суздальского княжества широко известных

2

1

3

4

Рис. 5. 1 – фигура грифо-змея. Резьба по камню на северном фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Вагнер Г.К., 1966, рис.28); 2 – фигура грифо-змея. Резьба по камню на южном фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Вагнер Г.К., 1966, рис.2); 3 – герб города Казани (Два города – две судьбы, 2005, фронтиспис); 4 – герб города Казани (медаль в память 1000-летия Казани, 1005-2005. Реверс).

Fig. 5. 1 – the figure of a griffin-snake. A stone carving on the northern facade of Georgii cathedral in Yuriev-Polskii (Вагнер Г.К., 1966, рис.28); 2 – the figure of a griffin-snake. A stone carving on southern facade of Georgii cathedral in Yuriev-Polskii (Вагнер Г.К., 1966, рис.2); 3 – the coat of arms of Kazan town (Два города – две судьбы, 2005, frontispiece); 4 – the coat of arms of Kazan town (a medal in memory of the 1000 anniversary of Kazan, 1005-2005. A reverse)

украшенных резьбой по камню храмов и замка князя в Боголюбове (Бахши И., 1993, с.77, 129).

Свидетельством этого могут служить изображения мифических животных на стенах храмов во Владимире и в Юрьеве-Польском. При анализе барельефов Георгиевского собора XIII в. в Юрьеве-Польском Г.К.Вагнер выделил работы четырнадцати мастеров резьбы по камню. Одному из них – “мастеру двух Георгиев” – принадлежат скульптуры Сирина и “грифозмея”, при исполнении которых, по мнению Г.К.Вагнера, мастер не копировал западноевропейские шаблоны, а создавал собственные образы, обогащенные фольклором. Особенно это сказалось на рельефе грифозмея (Вагнер Г.К., 1966, с.39 рис.28). И это изображение – фигура хвостатого и крылатого двуногого грифозмея (Вагнер Г.К., 1966, с.39 рис.28) – сопоставимо с мифическим защитником города Казани, изображаемым на гербе этого города (ср. рис.5, 1, 2 и 3, 4) (крылья, чешуйчатые тело и изогнутый хвост). А это говорит о том, что сложение культуры Древней Руси могло происходить под влиянием не только Византии, но и местных культурных традиций, и не только славянских, скандинавских и угрофинских, но и

булгарских. Так по-разному сохранились у народов России древние традиции ушедшей в прошлое булгарской цивилизации.

На предметах ювелирного искусства и храмах Древней Руси запечатлелись образы фантастических животных мифологии древних булгар, но они долго оставались немymi. Известны были изображения зверей и птиц и на стенах мечетей в Великих Булгарах (Бахши И., 1994, с.63), но в силу мусульманских обычаев эта традиция не получила дальнейшего развития.

Однако в татарских (булгарских) национальных праздниках просвечивают неизвестные у славяноязычных народов мифы о древних булгарских духах – асах, алпах и диу, которые позволили “озвучить” немые изображения на оковке турьего рога из Черной могилы. И работы в этом направлении можно было бы продолжить.

Какая-нибудь одна из наших цивилизаций – православная или мусульманская – не смогла бы в полной мере донести до нас культурное наследие наших общих предков. Это можно сделать только при совокупном исследовании культуры и искусства их обеих.

Литература и архивные материалы

- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
- Бахши И., 1993. Джагфар тарихы. Т.1. Свод булгарских летописей 1680 г. Оренбург.
- Бахши И., 1994. Джагфар тарихы. Т.2. Ч.II. Книга о национальных праздниках булгар. Оренбург.
- Вагнер Г.К., 1966. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М.
- Гаркави А.Я., 1871. Дополнения к сочинению “Сказания мусульманских писателей о славянах и русских”. СПб.
- Гуревич А.Я., 1979. “Эдда” и сага. М.
- Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII вв. М.
- Два города – две судьбы. К 1000-летию Казани, 2005. СПб.
- Лебедев Г.С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- Лев Дьякон, 1988. История/ Пер. М.М.Копыленко. М.
- Львова З.А., 2001. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229-1246) и ее данные о древних булгарах// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.15. Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.
- Львова З.А., 2003. “Гази-Барадж тарихы”. Вопрос о подлинности летописи// АСГЭ. № 36.
- Мачинський Д.О., 1988. Чорна могила – поховання восводи Претича?// Друга Чернігівська обласна конференція з історичного краєзнавства. Вип.ІІ. Чернігів; Ніжин.
- Младшая Эдда, 1970/ Пер. О.А.Смирницкой и М.И.Стеблин-Каменского. Л.
- Молчанов А.А., 1988. О сюжете композиции на обкладке турьего рога из Черной могилы// Историко-археологический семинар “Чернигов и его округа в IX-XIII вв.” (26-28 сентября 1988 г.). Тезисы докладов. Чернигов.
- Нуртдинов Ф.Г.-Х., 1993а. Булгары и мировая цивилизация// Бахши И. Джагфар тарихы. Т.1. Свод булгарских летописей 1680 г. Оренбург.
- Нуртдинов Ф.Г.-Х., 1993б. Краткий словарь средневековых географических названий и терминов, встречающихся в “Джагфар тарихы” (составлен на основе выписок из полного текста “Джагфар тарихы” и содержит известия утраченных частей свода// Бахши И. Джагфар тарихы. Т.1. Свод булгарских летописей 1680 г. Оренбург.

- Нурутдинов Ф.Г.-Х.**, 1993в. Несколько слов о своде// Бахши И. Джагфар тарихи. Т.1. Свод болгарских летописей 1680 г. Оренбург.
- Повесть временных лет**, 1950. Ч.1. М.: Л.
- Рыбаков Б.А.**, 1949. Древности Чернигова// МИА. № 11.
- Рыбаков Б.А.**, 1971. Русское прикладное искусство X-XIII веков. Л.
- Рыбаков Б.А.**, 1988. Язычество древней Руси. М.
- Самоковасов Д.Я.**, 1908. Могилы Русской земли. М.
- Хвольсон Д.А.**, 1869. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X в., по рукописи Британского музея. СПб.
- Шевченко Ю.Ю.**, 1999. Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы// Сб. МАЭ. XLVII. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб.
- Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г.**, 2002. Древнейший сохранившийся храм Руси// Христианство в регионах мира. СПб.
- Щеглова О.А.**, 1997. О возможном прототипе изображений на оковке большого рога из Черной могилы// Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб; Кишинев.
- Werner J.**, 1984. Der Grabfund von Malajz Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren (Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische klasse. Abhandlungen. Neue Folge, H. 91. München.

Summary

Z.A.Lvova (St.-Petersburg, Russia)

BINDING OF CAUCASIAN GOAT HORN FROM CHIORNAIA MOGILO IN LIGHT OF DATA OF 13TH CENTURY BULGHARIAN CHRONICLE GAZI BARAJ TARIXĪ AND MYTHOLOGY OF BULGHARS

The paper proposes a new interpretation of the image on a silver binding of a big Caucasian goat horn from the Chiornaia Mogila barrow of the end of the 10th – the early 11th century. The interpretation is based on the Bulgharian mythology preserved in the Tatar national holidays and on the text of the Russian translation of the Gazi Baraj Tarixī – the Bulgharian chronicle of the 13th century.

The chronicle was a part of Jacfar Tarixī written in the Bulgharian Turkic language in Arabic type and composed in the 17th century. Its original was confiscated in 1939 when the state struggled against Pan-Turkism and Moslems were forced to use the Russian alphabet. The Russian translation made then for a local NKVD department was kept in one of the translators' family and was published in 1993 in Orenburg and Kazan.

The chronicle says that after moving to Danube and Volga the Bulghars still remained in the Oka and Volga interfluvium and in the Dnieper reaches, especially on its left bank, and at first strongly resisted to the Russian princes invading this territory. According to the new interpretation, the image on the horn represents a Bulghars' spell on the Novgorodians and Scandinavians who composed a princely army: a defeated Novgorodian and a Scandinavian without headdresses and belts are running being trampled by spirits – patrons of the ancient Bulghars and stricken by their own arrows.

Статья поступила в редакцию в апреле 2008 г